

Лариса КЕФФЕЛЬ-НАУМОВА

НА ИЗЛЁТЕ ЛЕТА

Памяти Ф.Г. Раневской

Шум моря зависит от того, в какую сторону ветер. Бывает, что очень сильно шумит, если ветер с юга или запада. А бывает — совсем тихо, если ветра нет или он с материка.

Саша лежал на кровати поверх покрывала, читал Евтушенко и слушал тихий, убаюкивающий ропот с близкого залива. Туда-сюда. Набежала волна. Откатила назад, шлифуя камни и песок. Лизнула туфли неосторожных отдыхающих, слишком близко подошедших к воде, на обратном пути прихватив с собой всё, что попадалось.

*Солёные брызги блестят на заборе.
Калитка уже на запоре.
И море,
дымясь и вздымаясь и дамбы долбя,
солёное солнце всосало в себя.
Любимая, спи...
Мою гушу не мучай.
Уже засыпают и горы, и степь.
И пёс наш хромучий,
лохмато-гремучий,
ложится и лижет солёную цепь.
И море — всем топотом,
и ветви — всем ропотом,
и всем своим опытом —
пёс на цепи,
а я тебе — шёпотом,
потом — полушёпотом,
потом — уже молча:
«Любимая, спи...»*

Он с удовольствием втянул в себя воздух: пахло высушенной хвоей, немного морской тиной. Посмотрел на штамп библиотеки. Стихи размещались как раз на 17-й странице. Шурочка. Милая Шурочка с прозрачно-зелёными, как море, глазами... Улыбнулся чему-то, в чём сам себе боялся признаться. Ну всё! Хватит валяться! У него же были планы на вечер!

Саша закончил заряжать плёнку и повесил на шею фотоаппарат, натянул кеды, захватил дождевик от ветра — всё же август и вечерами уже довольно свежо. Собравшись, он оглядел их далёкое от комфортабельного жилище. Свою кровать, на которой валялся с книжкой после обеда, он застелил, вещи убрал в шкаф. Закрыл окно. Погода здесь переменчивая. Может и шторм налететь. Вроде всё в порядке. Затворив дверь домика, легко сбежал по ступенькам крыльца. На скамейке, как и ожидал, Саша увидел маму, увлечённо разговаривающую с соседкой. Ещё читая книгу, из окна комнаты он различил журчание её ровного голоса. Подошёл. Поздоровался.

— Я пойду, пофотографирую.

— Конечно, пойдёшь, Саша. Ты спал. Я уже хотела тебя будить. Погода чудесная, что в доме торчать?

Мама что-то втолковывала женщине о медицине и правильном питании. Весьма дородная особа, слушающая советы доктора, удивлённо ахала и качала большим шиньоном, в народе называемом «пчелиный улей».

Он попрощался и с ходу взял третью скорость. Обернулся на бегу и помахал маме рукой. Всё это он проделал с радостным чувством свободы, какой-то клокочущей в нём и готовой вылиться через край наружу весёлой энергетикой. Наконец-то он может делать «что душевненько уютно»! Это было любимое выражение бабушки. Сейчас его душевненька как раз жаждала запечатлеть живописные окрестности Репино, побродить у моря.

Этот выпускной год выдался для него несколько напряжённым, но удачным. Экзамены в институт были позади. В этот год отменили льготы для медалистов, но

всё было преодолено — Александр стал студентом Политеха. К своему поступлению он относился довольно равнодушно, просто выполнял мамину просьбу — получить надёжную специальность. Без труда Александр сдал все экзамены на пятёрки, прошёл и уже планировал, как проведёт оставшееся до начала первого семестра время, но не тут-то было. Его сразу вычислил и взял в оборот институтский комитет комсомола. За отличное умение фотографировать, о чём говорилось в его характеристике, новоиспеченного студента направили до середины августа в поездки по колхозам, снимать, как студенты работают на полях. Когда он наконец, вернувшись и сбросив тяжелые резиновые сапоги, проявил плёнки, напечатал кучу фотографий и отнес в ректорат хронику студенческих подвигов в битве за урожай, до начала занятий оставалось ещё немного времени, а тут его матери, врачу медсанчасти тракторного завода, дали путёвку в Ленинград. Путёвка была на двоих, и мать взяла Сашу с собой. Три дня они провели в экскурсиях по городу, а на оставшиеся дни их ожидал деревянный домик в Репино на берегу Финского залива, удобства во дворе.

Воздух чист и прозрачен. Приятно было наполнять им молодые лёгкие. Он шёл по дорожке парка к морю и наслаждался. В голове ещё сменяли друг друга, как яркие вспышки, кадры залов Эрмитажа, каскады фонтанов Петергофа, экскурсии по городу, катание на пароходике по каналам Невы. Разведённые мосты. Завораживающая красота летнего Ленинграда вливалась в него новые силы, порядком истраченные на колхозных полях, дарила новые эмоции, сказочные виды. Он только и делал что останавливался, выбирал удачные ракурсы и фотографировал маму в элегантном бежевом платье с длинными рукавами, толпу на Невском, Литейном, аллее Летнего сада, трагическую красоту старых невских дворов-колодцев, где словно наваждение, морок, вот сейчас выскочит с тёмной лестницы Раскольников или блеснут вдруг в перекрестьях узких окон полные боли глаза Сони Мармеладовой, улочки и переулки, где, казалось, ещё витал дух Пушкина, Гоголя, Ивана Гончарова; Пётр Великий на вздыбленном коне был на своём посту. Саша щёлкал затвором фотоаппарата «Зенит-ЗМ» — «зеркалки», как его по-свойски называли в среде фотографов. Саша купил его себе сам, в магазине. За это решил контрольную продавщице магазина «Культовары», студентке-заочнице. Несколько готовых плёнок лежали и ждали проявки. Около недели у него останется, когда они вернутся домой. Поваляется на пляже. Прочтёт, если получится, нашумевший роман Булгакова «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва». Та самая большеглазая Шурочка из районной библиотеки, которая в последнее время слишком часто занимала его мысли, в обход строгих правил выдавала ему журналы из читального зала на ночь и на выходной. Он такое проделывал не раз и всегда возвращал вовремя. Александр считался в библиотеке очень аккуратным и дисциплинированным читателем. Ему доверяли. И в этот раз он с нежностью вспомнил о Шурочке, и сердце учащённо забилось.

Фотография стала его страстью с 11 лет. С тех пор это увлечение ему не надоело, а наоборот, захватывало его всё больше. Он живо интересовался новинками фототехники, сам экспериментировал, часто просто отщёлкивал пленку, людей на улице, утреннюю очередь на троллейбус, необъятную ширь реки и бескрайнюю даль степей. Его фотопейзажи занимали призовые места на конкурсах, и он чувствовал себя уже опытным профессионалом. Саша прикидывал, прищурив тёмные пытливые глаза, откуда начать. Как бы снять нечто оригинальное, как для этого понадобится выстроить перспективу. Ему хотелось изобразить залив вогнутым, как линза. Нет! Лучше гладким, как тарелка! Или попробовать сделать панорамный снимок? Ради удачного кадра он был готов сейчас залезть на сосну или встать на голову. Этот радостный юноша, козликотом скачущий по дорожке, выглядел ещё угловатым, несколько непропорциональным, вытянутым. Узкая, долговязая фигура, продолговатое лицо, будто его зажали однажды легионки в тиски и потянули в противоположные стороны. Однако всё обещало, что скоро он превратится в лебедя, как это бывает у мальчишек. Остаточная подростковость скрашивалась высоким лбом, переходящим в прямой нос, как у древних греков. Недаром в классе у него было прозвище «Македонский». Общее выражение серьёзного, умного, наверное, красивого в будущем лица, с внимательным взглядом, смягчал подбородок с пикантной ямочкой, за что он был любим одноклассниками. Шапка тёмных кудрявых волос, которые ворошил сейчас балтийский ветерок, дувший с близкого взморья, довершала его внешность.

Воздух слоился в дымке лучей, посылаемых в этот душистый эфир начинающим склоняться к закату солнцем. Казалось, его можно потрогать. Кусты расцветших бордовых и жёлто-розовых георгинов в цветниках около домиков, мимо которых он почти летел, покачивали решётчатые головки. Асфальтовая дорожка блестела кварцем, тоже желая участвовать в этой картине. Александр азартно, предвкушая удовольствие от фотосъёмки, нёсся аршинными шагами по дорожке к выходу с территории, где сквозь деревья мерцала водная гладь, когда неожиданно его окликнула

женщина в небольшой соломенной шляпке-канотье и громадных тёмных очках. По инерции проскочив мимо, он боковым зрением всё же успел зафиксировать, как она с усилием поднялась со скамейки и потихоньку, в полшага, направилась прямо к нему. Ошибки быть не могло. Никто другой на дорожке в поле зрения не наблюдался. Пришлось экстренно тормознуть на полном ходу, подняв пыль, как настоящий скакун.

— М-м-молодой человек! П-подождите! Из-звинюте! Скаж-жуте, пожалуйста, а как мне дойти до Комарово? Я что-то заблудилась...

Она немного задышалась, видимо от волнения, в мольбе, с растерянным видом протягивая к нему руки. Говорила она низковатым голосом, немного растягивая слова, чуть заикалась. Александр взгляделся внимательнее. Да это, кажется, актриса Фаина Раневская? Ну вот та, что «Муля, не нервируй меня»?

— Фаина Георгиевна, это вы?

— Вот чёрт, — ответила она. — Такие огромные очки надела, чтобы никто не узнал, и всё зря! Так вы мне подскажите, как пройти до Комарово?

— Конечно. Да я вас провожу, это минутах в сорока отсюда. Пойдёмте! Ах, да. Прошу прощения. Я забыл представиться. Александр Граф, Саша, — и он наклонил голову и даже щёлкнул кедами, как заправский гусар.

— Настоящий граф? — вскричала в восторге Раневская.

— Ну, может, когда-то и был настоящим. А после революции сословия, дворянские звания отменили. Просто фамилия.

— Спасибо большое, Саша! Вы мой спаситель! Я ужасно плохо ориентируюсь. А Анна Андреевна, наверное, волнуется, что меня долго нет. Она мне хотела сегодня почитать отрывки из своей пьесы... Необычной философской пьесы... А я вот пошла погулять и заблудилась.

Видимо, она говорила об оставленной где-то подруге.

Саша повёл свою случайную знакомую вдоль берега в сторону Комарово по пешеходной дорожке, которая проложена вдоль всего побережья, от Солнечного до Чёрной речки. По ней ходили пешком и ездили на велосипедах между всеми пансионатами, которые расположены чуть дальше от берега, в глубине, за шоссе, по направлению к Дому творчества. Вдоль дороги росли громадные сосны. Толщина некоторых в обхвате доходила до метра. Оляха шуршала мелкими чёрными шишками, покачивала начинавшими краснеть гроздьями низкорослая рябина. Мелькали тёмная бархатная хвоя ели и светлая зелень берёзы. Птицы здесь водились в основном лесные. Их трудно разглядеть, но хорошо слышно. Щебет этих птах по утрам создавал очень приятный фон. На расспросы о себе Александр вкратце поведал ей, что только-только поступил в институт и в оставшиеся дни отдыхает здесь с мамой.

— Ваша матушка должна гордиться вами. Такой симпатичный и умный сын, — гудела Раневская. — Я сама в технике плохо разбираюсь. Я была на домашнем обучении. Математику не понимала и вообще не переносила обучение в учреждении, хотя отец и был попечителем гимназии. Терпеть не могла, не любила ничего делать, что меня бы сковывало, требовало соблюдения правил. Запаха класса, неудобных парт. Сразу наваливалась какая-то тоска, переходящая в страх. Любила всегда лето, вот как сейчас, — и она развела руки ладонями вверх, обернувшись к морю, к горизонту, — когда не надо было заниматься, много читала и ходила во все театры, которые приезжали к нам в город.

— А как же вы стали актрисой?

— О, молодой человек! — Раневская хохотнула. — Это долгая история. Пожалуй, сорока минут нам может и не хватить. Жизнь научила...

Она задумалась, улыбнулась чему-то с нежностью. Из её груди вырвался прерывистый вздох, почти стон...

— И моя педагог и подруга Павла Леонтьевна Вульф. Вы слышали об этой актрисе?

Саша покачал отрицательно головой.

— Странное имя — Павла! — Саша никогда не слышал, чтобы в России так кого-то называли.

— От «Паула», видимо. Она из семьи обрусевших немецких дворян.

— А может, это дань Возрождению? Это ведь итальянское имя?

Предположение Саша привело Раневскую в восторг.

— Бог мой! Возрождение! Данте, Петрарка, Боккаччо — в ваши столь юные годы? В школе вроде этого не проходят?

— Библиотекарша посоветовала, Шурочка, — и Саша неожиданно для себя покраснел.

— Понятно. Александр и Александра, — Раневская понимающе покачала головой.

— Да, так вот о Павле Леонтьевне... Она учила меня, неуклюжую, сценическому движению, правильной речи. Мне нужно было как-то избавиться от моего южного таганрогского говорка и провинциальной угловатости. Ну а артистизма у меня с избытком хватало, и я на ходу схватывала персонажей. Я страшно любила с детства передразнивать

всех, копировать горничных, дворников, извозчиков, точильщиков, старьевщиков.

И действительно, не напрягаясь, естественно, лишь немного добавляя в свое экспрессивное повествование изобразительных жестов, мимики, она будто дополняла его, раскрашивала, проигрывала всё, о чём говорила.

— Фаина Георгиевна! А как вы вообще оказались довольно далеко от Комарово?

— А как-то незаметно. Я пошла погулять и поучить роль. Пьеса одна очень интересная. Дали почитать. Видимо, потеряла ориентир. Со мной такое случается, — она благодарно и по-детски радостно выпалила: — Мне всегда везло на людей. Встретила вот вас. Вы знаете, я всегда переписываю роль от руки с печатного экземпляра в свою тетрадку. Мне так легче запоминать. И когда гуляю, заглядываю в тетрадку и учу роль, — и, чтобы подтвердить свою правдивость, полезла в карманы необъятной юбки и извлекла оттуда измятую тетрадь в клеточку, исписанную неровным почерком. — Я страшно боюсь забыть текст. Просто панически.

Саша улыбнулся, представляя, как с Раневской случается этакий конфуз и она замирает на сцене с открытым ртом.

— Сейчас в театре нет суфлёра, как раньше, и рассчитывать приходится только на свою память. А она с возрастом, увы, подводит всё чаще.

— А что вы в таком случае делаете? — Саша с интересом слушал её рассказ, который был немного похож на выступление. Она нашла слушателя, зрителя.

— Что, что... Импровизирую, разумеется.

— И никто не замечает? — иронично удивился Саша.

— Слава богу, публика не замечает. Иногда я только подаю реплику — и уже аплодисменты. Публика всегда была добра ко мне. И вы знаете, иногда неважно себя чувствую и кажется, не смогу выйти на сцену, выдержать три акта. Плечусь после второго звонка. Сажу за сценой на стуле и проговариваю про себя первые слова, чтобы не забыть. Руки мои холодны как лёд, и я завидую всем, кто стоит в кулисах и не должен сейчас выходить на сцену, — она вздохнула. — Ради кого всё это? Ради публики! Знаете, молодой человек, вот Горький говорил, что талант — это вера в себя. А вы как думаете?

— Не знаю, но наверное. Если не веришь в себя, в то, что можешь лучше других, то нечего и начинать.

— Да? Ну, это максимализм молодости, — Раневская разочарованно махнула на него рукой. — А мне кажется, что только недовольство собой, постоянная неуверенность, сомнения, копание в своём нутре, каторжная работа делают талант. Неважно, кто ты — актёр, музыкант, писатель или художник. Интуитивное нащупывание истины, как по вехам, когда пробираешься по трясине. У посредственностей напрочь отсутствуют такого рода сомнения и волнения.

Минуту подумав, Саша согласился.

— А действительно, ведь «...и опыт — сын ошибок трудных, и гений — парадоксов друг».

— Вы любите Пушкина?

— Да. Очень.

— Я боготворю Александра Сергеевича! Вот я Анне Андреевне сегодня расскажу, какого чудного мальчика я встретила! А вы на него даже чем-то похожи, только рост высокий, — Раневская отстранилась немного и сбоку, задумчиво и с забрезжившим искренным интересом посмотрела на Сашу. — А вы не хотели бы пойти в актёры?

— Я?! — Саша засмеялся, но про себя подумал: а почему бы нет? Эта мысль казалась теперь ему не такой уж невероятной, как полчаса назад. Невозможно было не подпасть под обаяние этой великой актрисы, и ему захотелось хоть на минуту очутиться в этом её выдуманном, призрачном мире театра. — Мне кажется, что после стольких лет на сцене, прекрасных спектаклей вы уже привыкли, уверены в себе и знаете, как правильно играть.

— Милый юноша! К этому нельзя привыкнуть, да и не нужно привыкать, — она посмотрела на него глазами мудрой собаки, блестящими и печальными, немного навываке. — Ты должен выдавить из себя страх по капле, — она вздохнула. — Я почти всегда создавала роли вопреки и всё время была жутко недовольна собой. Павла Леонтьевна меня предупреждала: «Как только понравишься себе — всё, ты уже не творец, а ничто, каботин».

— Каботин?

Видя, что Саше неизвестно это слово, она терпеливо пояснила:

— Каботин — странное слово, правда? Так когда-то называли странствующих комедиантов. А теперь это означает стремление к артистической славе, блеску, наглость, уверенность в себе у актёра, без особых на то оснований. И таких, увы, тьмы и тьмы! — и она не только объяснила, но и мимикой показала, кто такой этот каботин — надутый самовлюблённый болван. — Ну а к третьему акту тыходишь в раж и уже

играла бы и играла, но... конец.

— А как вы справляетесь с эйфорией? — Саша выразился, пожалуй, чересчур современным языком.

— С чем, простите?!

— Ну, с возбуждением после спектакля?

Раневская пожала плечами.

— Не думаете ли вы, мой юный друг, что я выпиваю, придя домой, четвертинку? Это банально. Гуляю по улицам, около реки. Иногда до утра. Смотрю, как разгружают хлеб.

— Простите?

— Я живу на Котельнической набережной, окна во двор, и рано утром слышу, как в булочную привозят тёплый хлеб и двор заполняет хлебный дух. Грузчики гремят деревянными подносами, матерятся. Иногда очень загогулисто, витиевато. А вечером, если нет спектакля, лежу на подоконнике, глазею, как толпа покидает через выход во дворе зал после сеанса, шумно переговариваясь. Знаете, был в Москве такой кинотеатр «Знамя»? Сейчас переделали в «Иллюзион». Там теперь показывают старые фильмы, часто — мировые шедевры. Вот он в моём дворе. Среди публики попадаются интересные персонажи, но чаще всего пустой трép. Как будто то, что они два часа молчали, дает им право трещать без умолку. Прорвало! — она попросила Сашу: — Давайте пройдем к самой воде. Окислимся!

— Почему «окислимся»?

— А, да это есть у меня в одной неоконченной пьесе такое выражение. Окислиться — значит надыхаться воздухом в лесу.

Они сошли с пешеходной дорожки на песчаный берег. По нему были разбросаны гранитные валуны, размером от футбольного мяча до бурого медведя. В некоторых местах они были сложены в длинные гряды, уходящие далеко в воду. Раньше это местечко называлось Куоккала, и всё это осталось ещё от финских рыбаков, сто лет назад сложивших причалы для рыбацких лодок. Песок цвета тёмного янтаря, у самой воды он приобрел коричневый оттенок. На берегу им часто попадались ракушки моллюсков, выброшенные на берег волной.

— Бедные несчастливцы! — сокрушалась Раневская. — Им не повезло пожить. — Она брала их своими руками без маникюра и бросала в набегающие волны.

— Да они уже мёртвые!

Молодой скепис Саша возмущал её.

— А может, какие-то ещё живые? — возражала она. — Вы думаете, что вы всезнайка? Так послушайте человека намного старше вас! Счастливого случая ещё никто не отменял, — немного пройдя, она увидела крохотную рыбёшку и, подняв её, забросила далеко в волны. — Вот и моя золотая рыбка уплыла. Ничего я у неё не попросила. Только живи, рыбка.

Сашу умиляла эта простота, естественность, некоторая даже детскость эмоций Раневской. Она совсем не стеснялась своих душевных порывов. Ему казалось, что такие известные актрисы, как она, ездят на машине с шофёром, никогда не ходят по улицам, а уж тем более не плутают в одиночестве по берегу залива.

— Я люблю зверьё, но больше всего собак. У них глаза человечьи, всё понимающие, — Раневская обернулась к нему. — И страдают они так же, как люди. А вот преданности такой я у людей не встречала. Вы знаете, что гениальная Марина Цветаева говорила о собаках? У собак душа — это подарок. А от людей она присутствия души требует. Люди для неё делились на тех, у которых есть душа, равновеликие ей, и тех, которые пусты, без души. Семья Цветаевых жила в Москве в Трёхпрудном переулке, и напротив в полуподвале была типография. Марина отнесла туда свою первую тетрадку стихов. Отдала то ли наборщику, то ли корректору. Сама не помнила — кому. «Вечерний альбом». Однажды к ним в дверь позвонили. Марина открыла. На пороге стоял буйноволосый, очень крупный господин. Цветаева была субтильным существом и выглядела лет на 12-14. «Здравствуй, девочка! А где я могу увидеть Марину Ивановну Цветаеву?» — «Это я», — пролепетала Марина смущённо. Волошин вдруг обрушился перед ней всей своей массой на колени, так, что страшно испугал Марину, она подумала: «Сумасшедший!» — и прогремел, воздев руки в экстазе: «Девочка, ты не знаешь, кто ты!!!» — Раневская с грустью покачала головой. — Макс Волошин имел такую душевную способность — всегда появляться вовремя. Помню, он возник на пороге у нас с Павлой Леонтьевной, когда мы буквально замерзали, голодали, и очень помог, — она улыбнулась воспоминаниям.

— Вы знали Волошина? — в изумлении воскликнул Саша. Он неплохо рисовал, и им показывали в художественной школе акварели Волошина. Для него это были великие имена, а для неё — друзья, знакомые... Удивительная женщина!

— Я знала их обоих, — печально вздохнула Раневская. — Марина, Марина... Голая душа.

Она переходила от темы к теме легко. От собак к Цветаевой, от той к Волошину. Она заговаривала, очаровывала, завораживала, будто слушатель смотрел действо. Видимо, актёры всегда что-то представляют или тренируются, проверяют, пробуют на вас, не пропало ли ещё притяжение личности. Их актёрское притяжение.

Они присели на берегу на перевёрнутые вверх дном деревянные лодки. Мимо пробегали стайками дети в сопровождении вожатых. В округе располагалось много пионерских лагерей, заборы которых были выкрашены в яркие цвета масляной краской.

— А на Волге в детстве мы под такими лодками прятались от дождя, — вдруг произнёс Саша, оглядывая лодку.

— Шептались, наверное, о каких-нибудь мальчишеских тайнах, вражеских бандах из соседнего двора? А? — Раневская шутливо погрозила ему пальцем.

— Откуда вы знаете?

— Я же тоже была ребёнком и выросла у моря, — легонько пихнула его локтем Фаина Георгиевна. — Целоваться под ними тоже хорошо.

Саша смутился. Хулиганистость Раневской была чрезвычайно заразительной и очень её молодила. Она фонтанировала остротами, балансировала на грани, на краю, но даже «сильные» словечки звучали в её устах безобидно, мило, как шутка, эмоция, каприз, реплика из пьесы.

Раневская злорадно усмехнулась, глядя на пионеров в панамках.

— Дети меня донимали с «Мулей».

— Я тоже люблю этот фильм, — признался Саша.

— Как? И ты, Брут?

— И я.

— В Ташкенте, давно, со мной приключилась неприятная история. Так вот, меня вели по улице в милицию, и даже там мальчишки бежали за мной и кричали: «Мулю, Мулю ведут!» Пришлось их послать в... В общем, далеко, — она махнула в сторону моря и засмеялась.

— А почему вас вели в милицию? Что вы сделали?

— Молодой человек, проживите сначала с моё, и если вы ни разу не попадёте в нашу доблестную милицию, то вы или умный, или мудрый.

— Почему «умный» или «мудрый»? — Саша, как зачарованный, слушал её. Морщил лоб, тщетно сияясь разгадать очередную её шараду, но понимал, что всё равно ошибётся.

— Всё очень просто, мой юный друг! Умный всегда выпутается, а с мудрым ничего подобного не произойдёт, — и она продекламировала вполне патетически: — «От сумы и от тюрьмы...» Помните, да? — посидев немного, они продолжили свой путь. Раневская часто с тревогой оглядывалась по сторонам. — Молодой человек! А вы меня куда ведёте? Вы знаете дорогу? А то заведёте в тёмный лес.

Было в ней что-то забавное. Естественное и непосредственное. Как в ребёнке. Несмотря на преклонный возраст, она в своей светло-серой, скорее даже серо-жемчужного цвета, парусиновой паре — широкой юбке с большими карманами и пиджаке — смотрелась в вечернем свете, как немного нескладная и сутулая гимназистка-переросток.

Саша успокаивал её.

— В тёмный лес завести вас не получится. Здесь лишь небольшая полоска сосен, ольха, дюны.

— Жаль. А я так надеялась! — Раневская, разочарованно воззрившись на дюны, заросшие осокой и шиповником, немного успокоилась.

Без интереса взглянула на тонущее в море солнце, розовеющую, переходящую в сиреневую и далее в синий оттенок гаснущую даль и на чаек, к вечеру шумно разрезавших воздух и пикирующих, казалось, прямо тебе на голову. Раневская отмахивалась от них и тут же хотела их кормить:

— А у вас хлебушка нет?

Чайки нахально расхаживали очень близко от её ног, кричали и попрошайничали. Видно было, что привыкли к людям.

— К сожалению, нет, — улыбался Саша.

— Да? Вы знаете, ко мне прилетают на окно голуби. Тоже нахальные, но у них это скорее от глупости, от бесхитростности.

Саша пожал плечами. Ну, то голуби. Сравнили. Чайки — хищники.

— Я к морю почему-то равнодушна, а ведь я родилась в Таганроге, — она задумалась, глядя на зацветший залив, зелёные, покрытые ряской, колышущиеся волны. — А лес, зелен люблю. У нас не было лесов. Степь. Но город был зелёный, — она обернулась назад и воскликнула в восхищении, глядя на корявые сосны, которые цеплялись корнями за песок, как осьминоги щупальцами: — Смотрите, какие стволы сосен

огненно-рыжие! Как здесь живописно! А я тоже пишу иногда. Только мне больше нравится писать грустную природу. Голые деревья, осень, дождь... Вы любите Репина? Были уже в усадьбе? Очень интересное место. Он прожил там последние лет тридцать жизни и умер там. Похоронен прямо в своем парке.

— Солнце заходит в море. Это оно так окрашивает сосны.

— Какой одуряюще вкусный здесь воздух! — вдохнула она. — Глоток воздуха. Не вздох, а глоток. Русский язык удивительный! Передаёт оттенки наслаждения! Хотела пойти окислиться, вот и окисляюсь.

— Это хвоя, нагретая на солнце, испаряет эфирные масла. Очень полезно для лёгких, — пояснил серьёзно Саша.

— Всё у вас имеет научное объяснение. Что полезно, а что вредно, — усмехнулась она. — Если не перестанете, годам к сорока превратитесь в зануду.

— У меня мама врач. Привык, — оправдывался Саша.

— Тогда понятно... А я всю жизнь дымила. Алёша — внук Павлы Леонтьевны, он и мне как внук — за это прозвал меня Фуфа. Я однажды чуть не спалила квартиру. А вот после кончины Павлы Леонтьевны бросила. А курила пятьдесят лет. Представляете?

— Забавное имя... — улыбнулся Саша. — А насчёт курения... Вот так сразу и бросили? И не хочется?

— Да. Вот так. Как-то не хочется. Но папиросы держу дома. На всякий случай. Я курила крепкие — «Беломорканал». А вы курите?

— Нет.

— И правильно. Видно, что вы ещё очень чистый мальчик.

— Значит, вы родились в Таганроге, там же, где и Чехов? — вспомнил Саша недавние билеты по литературе.

— Да, вот представьте. И я даже лечила зубы у его племянника, — похвасталась актриса. — А вы очень начитанный мальчик. Вы только не подумайте, что если провинция, то ничего интересного не было. Однажды у нас в концертном зале выступал сам Скрябин. Гений, гений! Вы слышали Скрябина? Его «Поэму огня» или его «Мечты»? Нет? И царь Александр Первый провёл у нас свои последние дни. Вот так-то, мой милый мальчик, — «мальчик» она часто повторяла, смаковала это слово. Будто прочитав его мысли, она вдруг рассказала: — А знаете, однажды в Москве я увидела в пролётке Станиславского, и бежала за ним, и кричала в восторге: «Мальчик мой дорогой!» А он привстал, обернулся назад и кланялся мне с пролётки.

— А почему вы его так называли? — странность её эмоций удивила Сашу.

— Потому что я бредила театром. Они представлялись нам, начинающим актерам, корифеями, небожителями!

— Но почему «мальчик»? — не унимался Саша.

— Потому что мы были молоды. Мимолетная встреча эта случилась году в шестнадцатом. И я была так молода, — грустно ответила она. — Да, так о чём мы говорили, мой молодой добровольный провожатый? — сама себя оборвала Раневская. — Ах да! Что я много лет живу над хлебом и зрелищами. Иногда это раздражает, иногда развлекает.

Саша засмеялся её остроумию и подал ей руку, помогая перейти ручеёк. Очень много мелких речушек и ручейков впадало в залив. Вода в них какого-то ржавого цвета, потому что вытекали они из торфяных болот, но чистая и холодная. Их можно перейти вброд босиком или перепрыгнуть.

— Вы хотели рассказать мне о новой пьесе, которую вы разучивали, — напомнил он, пытаясь вернуть её к теме. — Как она называется? — Саша представлял, как потом расскажет об этой встрече матери, друзьям. — О чём эта пьеса?

Ему хотелось узнать от Раневской что-то новое, неизвестное ещё никому. Путь до Комарово был неблизкий, и ничего нет лучше, чем разговорить Раневскую, всенародно любимую и известную, несколько эксцентричную женщину. А кто, как не сама актриса, лучше расскажет о своей пьесе.

— Ах да. О пьесе! Это необыкновенная пьеса. Чудная история. Я в неё влюблена.

Раневская будто поискала луну на небе. Не найдя её, она вздохнула и крепко ухватила за локоть Александра. От их шагов шуршали песчинки. Навстречу попадались отдыхающие. Двое из них узнали Раневскую, поздоровались вежливо. Не подходя вплотную, восклицали что-то вроде:

— Очень любим вас... Вы наша любимая актриса... Хорошего отдыха!

Человек на отдыхе. Неприлично беспокоить. Раневская любезно раскланивалась, благодарил.

— Знаете, молодой человек... Я ведь сама не имела детей, не была замужем, — она хмыкнула, будто какой-то весёлой шутке, словно сама смеялась над своей дурацкой судьбой. — Вернее, я была всю жизнь замужем за театром.

«Разве она ни разу не любила? Кругом, наверное, было столько великих актёров и

режиссёров!» — удивился Александр молодым удивлением, когда ещё странно, что кто-то может не любить и не быть счастливым. Но спросить об этом не решился. Он посчитал этот вопрос бестактным. Раневская, мягко говоря, внешними данными не поражала, но красоту заменяло своеобразное обаяние, оригинальность мышления, юмор, несколько, правда, саркастический, с перчинкой, великолепное владение искусством слова, жеста, мимикой, разнообразие и насыщенность и даже перенасыщенность её личности. Саша подумал, что этой женщине лучше на язычок не попадаться.

Она полезла в тетрадку.

— Так вот. Эта пьеса была переделана из романа «Долгие годы» Жозефины Лоренс. Пьеса Хелен и Ноа Лири. А сценарий американки... Как бишь её... Виньи Дельмар. Винья, Ноа... У американцев странные имена, вы не находите? — пожалала она плечами.

— Хотя, наверное, наши имена им тоже кажутся странными, — милостиво простила она американцев.

— Нет. Я ни о ком из них не слышал.

— Да, в общем, банальная пьеска.

— Как? Вы же сказали, что влюблены в неё?

— Дело в том...

Вечерело, но даже в августе, как отблеск белых ночей, в этих местах долго светло, темнеет очень поздно, медленно смеркается. Определить время человеку не местному, из другой области, на глазок невозможно. Нужно было успеть к ужину, однако Раневская шла тяжело, быстро уставала и время от времени присаживалась отдохнуть на большие гранитные валуны, разбросанные по всему берегу, но предварительно просила Александра проверить, не холодные ли они.

— Вроде тёплый, — проверял он, — но не рекомендую на нём сидеть слишком долго.

Саша уже понял, что с такими остановками они будут долго добираться до Комарово.

— Задницу боюсь застудить, — объяснила она.

Ну что ж... По крайней мере честно.

В этот раз, усевшись, поёрзав и найдя наконец удобное положение, она, удовлетворённо вздохнув, на минуту замолчала, устремив глаза в закатное море.

Вся её фигура — профиль сидящей на камне женщины с выбившимися кое-где из-под шляпки прядками волос — напоминала скульптуру, но присущая ей природная живость не дала долго созерцать её в состоянии покоя.

— Дело в том, молодой человек, что пьеса эта о пожилой паре, и я, когда читаю роль, то проживаю целую жизнь, и мне кажется, что она была полной, прожитой до доньшка, до края, — заговорила она.

— А на самом деле? — не удержался всё-таки дерзкий мальчишка.

— А на самом деле... — она призадумалась, затем притворно весело продолжила, глядя на залив: — Так нескладно получалось. Если любили меня, не любила я. А кого я любила — всё наоборот. Понимаете? Так в жизни часто бывает, — Раневская пронизательно взглянула на Александра. — Но любовь меня всё-таки посетила, — она помолчала. — Даже, представьте, не однажды! — она, наконец, кряхтя, встала с камня. Прошли несколько шагов в молчании. Раневская вдруг фыркнула, будто вспомнив что-то забавное. — Вы удивитесь, молодой человек, но в молодости я даже получала приглашения на свидание. Одно было утомительно. Мой ухажёр прислал мне через службу записку: «Артистке в зелёной кофточке» — место, время и тут же угроза: «Попробуй только не притить».

Они оба засмеялись.

— И вы пошли?

Раневская отрицательно покачала головой.

— Жаль, что не сохранила это шедевр, — она вытащила из рукава платочек и вытерла глаза. — Всё-таки не так уж часто меня приглашали на свидание, — отсмеявшись, Раневская продолжила: — Так вот... Пьеса эта, о которой вы спрашивали, она о чёрствости детей к родителям. Вот вы же любите свою мамушку?

— Да. Очень, — удивился Александр перемене темы.

— Берегите её, молодой человек. Мама у нас одна. Никогда не предавайте её и не откалывайтесь от неё, — прочувствованно, с трагическими нотками в голосе произнесла Раневская. — Обещаете?

— Обещаю! — клятвенно заверил её Саша.

«При чём тут мать? Странная она, право. Пожилая уже», — заметил он про себя.

Раневская прочитала его мысли. Он понял это по выражению её глаз. Они будто говорили: «Куда же девалась моя жизнь?.. Вот и этот юноша считает меня, наверное, совсем старухой...»

— Слышите, какая-то птица поёт? — Раневская опять остановилась. Стала вертеть головой, пытаясь увидеть птицу. Саша неопределённо пожал плечами. Он не увлекался

ся орнитологией. Дорожка, по которой они шли, петляла, то удаляясь, то приближаясь почти к самой кромке моря. — Вот что я вам скажу, Александр, — она прерывисто дышала, тяжело ступая и держась за его руку. Шутка ли — протопать от Комарово и теперь обратно! — Я рада, что вас встретила.

— И я очень рад. Мне слушать вас так интересно, — вежливо поддакнул Александр.

— Да? Спасибо, мой мальчик! Так вот о пьесе... — она думала, как начать рассказ.

— Речь в ней идёт о семье Куперов. Их дети — сволочи! — возмущённо вдруг воскликнула она трубным басом.

— Почему? — Саша был невольно очарован её манерой говорить, ему всё больше нравилась её ребячливость, смешливость и откровенность, граничившая с нахальством. Он, ещё совсем юный мальчик из провинции, конечно, робел перед ней, но Раневская, как опытная актриса, чувствовала, понимала его смущение и подбадривала, располагала его к себе, казалась простой и доступной, и скоро Саша совсем забыл, что они познакомились всего час с небольшим назад.

— А кто же они ещё? Ни один из них не хочет брать родителей к себе. Отца забирает дочь, далеко в Калифорнию, а мать, меня, — она остановилась, в сильном возмущении приложив руку к вздымавшейся груди, — ждёт вообще женский приют для престарелых!

— Почему это случилось? Где старики до этого жили?

— Дома, где же ещё? Но они задолжали банку, и дом у них отбирают. Детки за обедом у родителей узнают об этом. Что тут начинается! Отпрыски не стесняются в выражениях, будто двое стариков — это старые, отжившие своё башмаки, а не их родители. И вот эту пару, нежно любящих друг друга мужа и жену, проживших пятьдесят лет вместе, бессердечно разлучают навсегда их собственные дети! Отца, как я уже сказала, увозит к себе дочь, у которой для матери не находится места даже в чулане, — голос актрисы срывается, губы гневно кривятся. — Но Люси — так зовут мать — боится одного: чтобы отец не узнал о том, где на самом деле она проведёт остаток дней. Она умоляет сына не рассказывать отцу, что она будет находиться в приюте — «это будет первая в моей жизни тайна от твоего отца». Я в принципе никогда не имела семьи, а сейчас, когда читаю роль, мне кажется, что я всё знаю и понимаю, и я прожила с этим человеком действительно 50 лет.

— А кто же будет играть отца?

— Как кто? Плятт, разумеется. Он прекрасный актёр и, что ещё более важно, прекрасный, порядочный человек, — резюмировала она. — Но иногда, — она засмеялась, — он бывает страшным хулиганом. И я тоже это в нём люблю. Я и сама мастерица на актёрские шутки и розыгрыши. Такова уж наша природа. Зашёл он как-то в моё купе, когда мы ехали на гастроли. Абсолютно голый, с мыльницей на причинном месте, — Саша поперхнулся и не знал, что сказать. Вот как, значит, развлекаются знаменитые актёры! Когда она рассказывала что-то комическое, то в её тёмных, с острым взглядом, немного навывкате глазах загорались весёлые озорные искорки. — Вам не смешно? Вы ещё скромный мальчик, а я такое несу.

Так, разговаривая, они вышли наконец к Дому творчества Комарово.

— Ну вот вы меня и привели к дому отдыха имени Анны Карениной.

— Почему Анны Карениной? — удивился Саша.

— А здесь же недалеко железная дорога. Очень удобно бросаться под поезд, — пошутила Раневская.

На лавочке, недалеко от входа, сидела грузная величественная женщина и тревожно смотрела на дорогу.

— Фаина! — воскликнула она, радостно всплеснув руками, когда они подошли ближе. — Вы где так долго пропадали? Я вся изволновалась! Вас больше трёх часов не было!

— Да я заблудилась, Анна Андреевна, немного. Но вот молодой человек мне помог и довёл меня домой. Знакомьтесь. Моего спасителя зовут Александр! Он любит Пушкина. И похож на него. Нет, правда? Похож? — теребила она подругу.

Незнакомка величественно встала со скамейки и легко потрепала Александра по волосам.

— Спасибо, молодой человек. Вы помогли сегодня самой великой Раневской.

Раневская улыбнулась:

— Вот, дорогой мой провожатый! Вам повезло сегодня познакомиться с Анной Андреевной Ахматовой.

Александр ахнул. Он сразу и не понял, что встречавшая их женщина была сама Анна Ахматова. В то время фотографии Ахматовой практически не появлялись в прессе, поэтому Александр представлял её по-прежнему тоненькой стройной девушкой, какой изобразил её Альтман в начале века и какой она ему запомнилась на известном линейном рисунке Модильяни.

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чаг
Изысканный бродит жираф...*

Он очень любил эти строчки поэта Гумилёва. Муж её, который написал ей эти стихи, был расстрелян, сын перенёс репрессии, и, кажется, они не общались. Лев Гумилёв был изумительным историком, и Саша слушал один раз его лекцию, когда тот приезжал в их город. В сущности, эти две одинокие, гениальные женщины столько воспоминаний в себе несут, дружили с великими актёрами, талантливыми драматургами, поэтами, писателями, определившими историю театра, литературы, — а в простой, обыденной жизни тоже, похоже, кроме себя самих и друг друга, никому не нужны, как те двое в спектакле, о котором только что рассказывала ему, присаживаясь на прибрежные валуны, Раневская.

Александр неожиданно для себя низко склонился и поцеловал Ахматовой руку. Она не смутилась, а внимательно и царственно взглянула Саше в глаза.

— Какой вы милый юноша!

— Не хочется отпускать вас, но ваша матушка, наверное, уже беспокоится. Кланяйтесь ей и передайте, что у неё чудный сын! — как можно нежнее пробасила напоследок Фаина Георгиевна и подала ему на прощанье руку. — Благодарю-ю-ю вас, мальчик мой!

Женщины направились к зданию Дома творчества, потом обернулись, послав ему воздушные поцелуи вслед и помахав руками.

Пока Александр бежал обратно, он, находясь в совершенном смятении чувств, решил, что завтра же придёт сюда пораньше и опять увидится, а может быть, и прогуляется с двумя гениальными подругами. Но утром это уже не показалось ему такой хорошей идеей. Что он скажет? Что хочет увидеть актрису Раневскую? Возможно, у неё дела, и его визит покажется неделикатным, навязчивым. Потом он долго корил себя за то, что не сделал фото этих знаменитых женщин. Это было бы, конечно, уникальное фото, оно подтвердило бы правдивость его рассказа, но в тот момент это казалось ему неудобным и могло бы разрушить возникшее между ними доверие. За всё время прогулки он так и не расчехлил свой прекрасный, новый, суперсовременный фотоаппарат, боясь «спугнуть» Раневскую.

Он ввалился, задыхаясь в домик, где застал встревоженную мать.

— Ну, слава богу! Саша! Ты где был? Я уже начала беспокоиться! — она вопросительно смотрела на него, ожидая вразумительных объяснений.

— Мама! Я видел сейчас Раневскую и Ахматову! Представляешь? Живых!

...Саша всё-таки посмотрел её в этой роли. «Милый мой! Единственный мой! Я всегда была счастлива с тобой. Очень счастлива, Барк. Каждый час. Каждую минуту. Все эти пятьдесят лет. Правда, Барк, я очень счастлива, что была твоей женой. Я всегда, всегда так гордилась тобой, мой дорогой!.. Прощай!»¹ И понял, почему Раневская говорила ему о матери и отчего её часто нескладные, несчастные, смешные героини так нравятся зрителям,растают в память, остаются в ней и цепляют нас больше, чем высокий слог и прекрасная внешность холодных театральных красавиц. Она не играла. Она — по Станиславскому — перевоплощалась, страдала по-настоящему, жила, проживала свои крохотные роли Мули, мачехи, Маргариты Львовны, аккомпаниаторши. Ей надо было в это короткое время эпизода втиснуть целую жизнь, и она этого добивалась. А уж такой материал, Люси Купер, — это просто напоследок подарок судьбы! Гораздо позже, где-то в конце 90-х, когда многое из того, о чём раньше, в советское время, умалчивали, стало известным, Саша прочитал в журнале «Искусство кино», что американский писатель Драйзер вышел из длительной депрессии и запоя, увидев её в «Мечте» Ромма.

Саша вырвался в Москву и штурмовал билетную кассу Театра Моссовета. Билетов не было. Тогда он в отчаянии позвонил Раневской домой. В тот памятный вечер она оставила ему свой московский номер.

— Фаина Георгиевна? Здравствуйте!

— Здравствуйте, а с кем я говорю? — продудел голос в трубке, не сказать чтобы дружелюбно.

— Вам звонит тот Саша, который помог вам дойти от Репино до Комарово, где вас ждала Анна Андреевна Ахматова. Моя фамилия Граф! Вы меня ещё помните? — боясь, что она, не дослушав, положит трубку, выпалил он.

— Саша? Конечно, помню!

— Я приехал в Москву, чтобы посмотреть спектакль, о котором вы мне рассказывали во время нашей прогулки у моря, а билетов нет. Завтра я уезжаю. Помогите, если...

¹ Слова из финальной сцены спектакля «Дальше — тишина», 1969 г. Постановка А. Эфроса.

— Конечно, конечно, мальчик мой! Зайдите в билетную кассу. Я позвоню. Там для вас оставят билет.

Так он попал на спектакль. Купил букет гвоздик недалеко от театра и сидел в партере.

В ту их единственную прогулку у моря Раневская рассказала ему ещё одну из бесчисленных происходивших с нею на сцене забавных театральных историй. Играя в провинциальной антрепризе, она часто сама придумывала себе, так сказать, вводные коротенькие роли. «Я прихожу к бывшей своей барыне, которая теперь, при красных, торгует пирожками. Голод не тётка, и, надеясь на благодарность, я с ходу говорю ей то, что той хочется слышать, что, мол, по городу летает аэроплан, а в нём сидят большевики и кидают сверху записки. В листовках написано: „Помогите, не знаем, что надо делать“. Барыня радуется, в зале — хохот. Я получаю свой пирожок. Барыня выходит на минуту из комнаты, а я быстро прячу стоящий рядом, на комод, будильник под пальто. Будильник вдруг звонит на мне в тот момент, когда я прощаюсь с бывшей моей хозяйкой. Я пытаюсь что-то громко рассказывать, чтобы заглушить его звон, ору что есть сил, подпрыгиваю, топаю ногами, но будильник продолжает звенеть. Поняв, что скрыть кражу не удастся, я вынимаю его из-за пазухи, кладу обратно на комод и плачу, стоя спиной к публике; зрители в зале хлопают, а я молча медленно ухожу. И знаете, мой мальчик? Во время звона будильника, моей растерянности и отчаянья застигнутой врасплох воровки зрители не смеялись. Они меня жалели. Как же это было дорого для меня как для актрисы! Это сострадание зрителя».

Александр смотрел и думал, утирая набухающие в глазах слёзы, что в конце жизни Фаине Раневской, этой недопонятой, недооцененной актрисе, несказанно повезло. Как раз попалась пьеса, которая раскрывала её трагикомическое дарование. Смотревшие в этот вечер вместе с ним финал спектакля зрители тоже совсем не смеялись. «Дальше — тишина...» — произносил диктор, и звенящая тишина стояла в зале. А потом оглушительные овации...

Когда, протиснувшись к сцене, он протянул Раневской цветы и крикнул что есть сил, пытаясь перекрыть своим голосом аплодисменты: «Фаина Георгиевна!» — та узнала его.

— Мальчик мой! Милый мой мальчик! Спасибо! Спасибо! Благодарю-ю-ю-ю-ю! — и всё махала ему гвоздиками, выходя на поклоны.

Зрители встали со своих мест. Зал рукоплескал им с Пляттом, и долго не смолкали крики «Браво! Браво!»

Он решил зайти к ней за кулисы. На лестнице, около гримёрных, он застал переполох. Раневская упала. Подбежали молодые артисты.... Саша слышал, как она им сказала своим басом: «Ну чего стоите, поднимайте, народные артистки на дороге не валяются!» Потом Саша вместе с ними напросился её провожать до дома. В знаменитую высотку на Котельнической. В арку во двор дома нужно было зайти между «Хлебом» и «зрелищами». Шумная компания поклонников, в которой вместе с Сашей была пара студентов театральных вузов и молодые актёры Театра Моссовета, довела Раневскую до двери. Она зашла в квартиру, усталая, с ворохом цветов. Обернулась к ним.

— Наконец я дома. Спасибо, молодые мои друзья! Очень устала. Сейчас спать.

Помахала рукой и скрылась в глубинах комнат.

Они тихонько захлопнули дверь.

На обратном пути некоторые из провожатых принялись ловить такси, кто-то пошёл пешком, а Саша ещё долго ехал по ночной Москве на автобусе и метро, добираясь на окраину города к знакомым, у которых он остановился, и в ушах у него звучало: «Дальше — тишина...» Какая она всё-таки гениальная актриса! А тогда, во время их прогулки, она переживала, что не умеет играть любовь, сетовала, что раньше не играла таких ролей. Не предлагали. Ерунда. Она может сыграть всё!

Послезавтра, когда он вернётся в Волгоград, на вокзале обязательно купит маме цветы.

* * *

Саша ещё не мог предположить, как причудливо развернётся его судьба: будучи студентом, он начнёт работать корреспондентом в редакции информации и спорта на волгоградском телевидении, позже и в других редакциях; поступит во ВГИК, на операторский, и будет учиться в одно время с Тарковским, Михалковым, Шукшиным и Аринбасаровой. Неужели это Раневская приворожила, околдовала его, чуть открыв ему тогда дверь в этот иллюзорный параллельный мир, побороть искушение войти в который было с тех пор уже невозможно?

P.S. Рассказ имеет документальную основу. Автор выражает искреннюю благодарность г.т.н., профессору ВолГТУ Александру Алексеичу Барону и г.т.н., профессору ВолГТУ Виктору Фёдоровичу Каблову за помощь и предоставление материалов для рассказа.